

БАЙ
МУРЗАЕВА

НЕ ХОЧУ БЫТЬ
ФАВОРИТКОЙ
или Как очаровать герцога

Бай Мурзаева

**Не хочу быть фавориткой
или как очаровать герцога?**

«Литнет»

2026

Мурзаева Б.

Не хочу быть фавориткой или как очаровать герцога? /

Б. Мурзаева — «Литнет», 2026

Я попала в тело девушки, которую хотят сделать фавориткой наследного принца. Красивая судьба? Нет. Я не хочу быть использованной и в лучшем случае выброшенной. А что будет в худшем случае и думать не хочется. Моя семья уже всё решила за меня. Принц ждёт покорности. Двор — скандала. Но я сделала ход, который никто не ожидал: предложила сделку человеку, который ненавидит дворцовые интриги. Он — моя единственная возможность не стать игрушкой в руках принца. Я не хочу быть фавориткой. Я хочу свободы. А герцог... кажется, вообще не планировал в это вляпываться.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	10
Глава 4.	12
Глава 5.	14
Глава 6.	16
Глава 7.	18
Глава 8.	21
Глава 9.	23
Глава 10	25
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	31
Глава 14	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1.

Тело утопало в мягком прохладном шелке. Я лежала, не открывая глаз, и наслаждалась этим мигом полусна-полуяви. Похмелье? Не похоже. Скорее, остатки какого-то дивного, слишком яркого сна.

Медленно приоткрыла глаза и обомлела. Надо мной нависал темный, резной балдахин из тяжелого бархата. Сквозь щель между темно-бордовыми занавесями пробивался солнечный луч.

Я моргнула, ожидая, что картинка расплывется, но она не исчезла. Повернула голову. Комната была огромной и роскошной. Золоченая мебель, тяжелые канделябры, дорогие ковры. На стене — зеркало в массивной раме, больше похожей на музейный экспонат.

Где я?

Я попыталась сесть. Тело подчинилось с задержкой, в движениях была странная скованность. В груди неприятно ныло, и на мгновение сбилось дыхание, когда я опустила взгляд на руки. Длинные пальцы и ухоженная белая кожа. Аккуратные ногти. Эти руки не мои.

Поспешно встав с кровати, пошатываясь, я направилась к зеркалу. Холод пола под босыми ногами окончательно разрушил надежду на сон.

Из отражения на меня смотрела незнакомка.

Юная — лет девятнадцати. Бледное лицо, обрамленное волнами белесых волос. Большие серо-голубые глаза, распахнутые в удивлении. Черты правильные, аккуратные, можно сказать, что миловидная.

Я подняла бровь — отражение повторило движение. Коснулась щеки — и оно сделало то же самое.

Это была я.

— О боже... — прошептала я.

Голос прозвучал тихо и чуждо — мягкий, мелодичный. Это не сон.

Последнее, что я помнила... я засиделась в библиотеке допоздна, делая курсовую по средневековой истории. Потом я направилась домой, и... машина? Ослепляющий свет фар и резкий визг тормозов. Пустота.

Очнулась в чужом теле и в незнакомом, но чертовски богатом месте.

Мысль о богатстве на секунду приглушила страх. Я окинула взглядом комнату. Шелк, бархат, позолота... Если это чье-то тело, то явно аристократки. Моя внутренняя девочка, зачитавшаяся романами о попаданках, тут же воспряла духом. Роскошь! Принцы! Балы! Моя мечта сбылась! Я чуть не рассмеялась от нахлынувшей истерической радости.

Но эйфория длилась недолго.

Дверь скрипнула, и в комнату вошла женщина в строгом темном платье и белоснежном чепце.

— А, вы уже проснулись, — произнесла она без тени почтительности. Ее голос был ровным и холодным. — Герцог ожидает вас к завтраку. Не заставляйте его ждать.

Герцог?

Сердце неприятно дрогнуло.

— Спасибо... — неуверенно начала я.

— Поторопитесь, леди Оливия.

Она степенно прошла через комнату и скрылась за второй дверью.

Оливия.

Я подошла к окну и отдернула тяжелую портьеру. За стеклом открылся вид на ухоженный парк, уходящий к горизонту, и на мрачные, величественные башни замка вдалеке. Мое

внимание привлек пожелтевший синяк на руке. Дотронувшись до него, ощутила легкую боль, скорее всего, бывшая хозяйка тела ударилась где-то...

Что-то щелкнуло в голове. Имя мрачной горничной всплыло в сознании, и почему-то оно вызывало смутное чувство беспокойства.

Я уставилась на свое новое отражение.

— Что это за место? — прошептала я чужими губами. — И что, черт возьми, мне теперь делать?

Элис, горничная, вернулась с платьем в руках и с таким видом, будто делала мне одолжение, помогая облачиться в платье и причесать волосы. Процесс был молчаливым и болезненным.

— Куда... собственно, я иду? — осторожно спросила я, пока она укладывала Оливии... нет... мне длинные волосы, прядь к пряди.

— В малую столовую, — буркнула Элис, дернув волосы с такой силой, что я вздрогнула. — Его светлость не любит, когда опаздывают.

Его светлость. Герцог. Сердце забилося чаще от смеси страха и предвкушения. Кто он? Надеюсь, это отец Оливии, а не муж.

Элис проводила меня до конца длинного коридора и молча указала на высокую дубовую дверь. Ее взгляд и ухмылка, которую она спрятала стоило мне на нее посмотреть, озадачили меня.

Я глубоко вздохнула, отворила дверь и вошла.

Малая столовая оказалась мрачноватым помещением с темными стенами и тяжелым дубовым столом, за которым могли бы разместиться около десятка человек. Но сейчас за ним сидели только двое.

Мой взгляд сразу же притянул мужчину во главе стола. Суровый мужчина в годах, с темными местами седыми волосами. Он сидел невероятно прямо и читал какую-то бумагу, не обратив внимание на мое появление. Это, должно быть, герцог.

А слева от него сидел молодой человек, лет двадцати пяти. Светловолосый, с приятными чертами лица и кривой ухмылкой на губах. Он-то как раз смотрел на меня с нескрываемым интересом, в котором читалась язвительная насмешка.

— А, вот и наша Оливия, — произнес он сладковатым издевательским голосом. — Мы уж думали, ты вновь решила пропустить утреннюю трапезу.

И что делают в таких случаях? Нужно, наверное, поприветствовать герцога.

Я медленно подошла к столу и опустилась на стул напротив непонятно чему веселящегося парня. Мои пальцы нервно теребили складки платья под столом.

— Доброе утро, — тихо сказала я, глядя на герцога.

Поймет ли герцог, что перед ним сидит не Оливия?

Он медленно опустил бумагу. Его синие глаза, холодно скользнули по мне без всякого интереса.

— Ты вовремя. Надеюсь, сегодня на балу в честь победы ты не опозоришь наш род своими... выходками. — Произнес он недовольно. — Принц Рамис будет присутствовать. Пожалуйста, сохраняй достоинство.

Видимо нет.

Ни теплоты, ни улыбки. Только холодное указание, на которое я не знала, как реагировать.

— Я... я постараюсь, — выжала из себя.

В висках закололо, заставляя меня, сморщится от боли.

— О, она всегда старается, дядя, — усмехнулся Сарус. Его взгляд скользнул по моей руке — туда, где под рукавом скрывался синяк. Улыбка стала шире. — Помнишь, как она

«старалась» в прошлый раз, упав в обморок прямо перед принцем? Или когда «старалась» принять от него дорогой подарок — вазу с восточных земель, но разбила ее и истерила целый час? Хотя, где уж нашей милой Оливии до изысканных манер настоящих аристократок.

Ничего не понимаю. В висках перестало покалывать, и в голове начали появляться разрозненные обрывки воспоминаний Оливии.

Я сжала кулаки. Это двоюродный брат Сарус. «Отброс», как точно охарактеризовало его мое подсознание. От него уж точно не нужно ждать ничего хорошего.

Завтрак прошел в гнетущем молчании, прерываемом лишь звоном столовых приборов. Герцог, отец Оливии снова углубился в бумаги. Сарус продолжал бросать на меня насмешливые взгляды. А я... я ковыряла вилкой в тарелке с каким-то изысканным омлетом, который казался мне безвкусным. Казалось, некая грань между мной и Оливией стиралась, смешивая наши «Я» в одно.

Когда герцог встал, чтобы удалиться, он на прощание бросил:

— Сегодня ты станешь фавориткой принца. Умерь свой характер и будь послушной.

Карета будет подана к шести.

И вышел, чеканя шаг. Что значит фавориткой? Принца? Это что же, любовницей?

Сарус последовал за ним, но на пороге обернулся.

— Не волнуйся, сестрица, — сказал он приторно-сладким тоном, наблюдая за моим ошарашенным лицом. — Если ты снова облажаешься, я всегда готов прийти на помощь.

Дверь закрылась. Я осталась одна в столовой.

Отложив приборы, я поднялась и побрела обратно в свою комнату.

О чем я думала? Роскошь? Богатство? Оливия, то есть я была обузой. Позором. Живым напоминанием о старом грехе. Нелюбимым ребенком — это еще мягко сказано.

Я заперлась в своей комнате, прислонилась спиной к холодной двери и медленно сползла на пол. Глаза жгли слезы, но я сжала их, изо всех сил сдерживая влагу. Я не хочу быть фавориткой...

Требовательный стук в дверь заставил меня вздрогнуть.

Глава 2.

— Открывай, сестрица! Это я, Сарус. Хочу дать тебе несколько советов перед балом. — Его голос за дверью был сладким, как патока, и таким же липким.

Меньше всего мне хотелось сейчас видеть его лицо. Но прятаться бессмысленно, да и, возможно, узнаю что-то новое. Главное — не дать ему понять, что что-то изменилось. Я поднялась с пола, отряхнула платье и подошла к зеркалу. Хладнокровие, только хладнокровие. Я поправила прядь волос и села на пуфик

— Войдите, — сказала, стараясь, чтобы голос звучал ровно и холодно, а не дрожал от подавленной паники.

Дверь отворилась, и он вошел с развязной уверенностью хозяина. Его взгляд скользнул по мне, и снова появилась эта противная самодовольная ухмылка.

— Дядя, конечно, строг, но он прав. — Он непринужденно развалился в кресле напротив меня, забросив ногу на ногу, демонстрируя полное пренебрежение к моему личному пространству. — Сегодняшний бал — важное событие. Победа в войне, все такое...

Я молчала, сжав руки на коленях. Пусть выговориться мне нужна хоть какая-то информация, любая зацепка.

— Видишь ли, — продолжил он, играя перстнем на пальце, — все эти твои... эмоциональные всплески в прошлом порядком подпортили семейную репутацию. Но дядюшка нашел гениальное решение, которое принесет пользу семье. Он отдаст тебя в фаворитки. Красиво, правда? — Он наклонился вперед, и в его глазах вспыхнул холодный, хищный блеск. — Так что сегодня вечером ты должна быть идеальной. Тихой, послушной, улыбчивой. Как фарфоровая кукла. Если, конечно, не хочешь, чтобы с тобой случилось что-то... неприятное.

В его словах прозвучала не просто насмешка, а откровенная угроза. В груди все сжалось, но я заставила себя медленно выдохнуть и встретить его взгляд.

— Какая трогательная забота. Я и не знала, что ты так переживаешь за мое... благополучие.

— Конечно, переживаю. Я вот все думаю... — Сарус сделал паузу, наслаждаясь моментом. Его глаза сузились, наблюдая за каждой моей реакцией. — Тебе ведь действительно нелегко. Мать-простолюдинка, пусть и любимая герцогом в свое время, но... Тебя никогда не примут в высшем свете. Эти дамы с их змеиными языками и гордые аристократы... Они видят тебя насквозь. Видят эту... плебейскую кровь.

Каждое слово казалось клинком, и он с наслаждением вонзал их поглубже.

— Герцог, конечно, дал тебе свою фамилию. Почетно. Но что это меняет в глазах аристократии? Ты живое напоминание о его слабости. О том, как герцог опозорил свой род, влюбившись в простолюдинку. — Он произнес последнее слово с особой, ядовитой мягкостью. — Он обеспечил тебя, но он никогда тебя не полюбит.

Возможно, он был прав. Холодность отца Оливии была не просто снобизмом. Это была глубокая, застарелая обида на самого себя, которую он теперь вымещал на дочери. От этого осознания стало еще горше.

— Но я-то твой друг, Оливия, — его голос стал заговорщицким, слащавым. Он придвинулся чуть ближе, и в воздухе запахло дорогим одеколоном. — Я хочу тебе помочь. Зачем тебе эти муки? Дай отцу то, чего он хочет — влияние и честь. Перестань позориться перед принцем, веди себя достойно леди. Мы все подготовили для этого. Тебе нужно всего лишь соблазнительно улыбаться ему, слушать его речи и станцевать с ним сегодня первый танец. — он широко улыбнулся, обнажив ровные зубы. — Все остальное он сделает сам. Ты получишь обеспеченное, роскошное существование. Герцог — влияние и расположение короны. А...

ну, я как верный племянник и будущий глава семьи, разумеется, позабочусь о наших общих интересах. И стану наследником герцогства. Все получают то, чего хотят. Это же разумно, не правда ли?

Меня замутило. Мало того что этот подлый ублюдок предлагал мне добровольно согласиться на пожизненное пребывание в роли любовницы — красивой, но бесправной игрушки, которую выбросят при первой же прихоти, — так еще и первый танец! Да его будущая супруга, кем бы она ни была, меня в клочки разорвет, причем нежно, по-аристократически — улыбаясь в лицо и исподтишка подкладывая яд в бокал. А может, и не будущая, а нынешняя? Что, если принц уже женат? От этой мысли в висках резко застучало.

Я подняла на него глаза, ощущая, как где-то в глубине сознания шевельнулась чужая паника. Настоящая Оливия не просто не любила принца — она его до ужаса боялась. Мое собственное «я» кипело от возмущения и бессильной злости — на него, на герцога, на этот прогнивший мир, где человека продают, как вещь. Сцепив зубы, я заставила мышцы лица растянуться в фальшивой улыбке.

— Ты очень добр, раз беспокоишься обо мне, братец, — произнесла я, нарочито медленно, подражая его сладковатому тону. — Я обязательно постараюсь оправдать ваши ожидания.

Его глаза блеснули удовлетворением. Он купился, отлично. Пусть думает, что получил то, за чем пришел.

— Прекрасно! — Он поднялся с кресла. — Я рад, что ты так благоразумна. А теперь готовься к балу. Не забудь надеть свое самое красивое платье. Тебе ведь важно произвести неизгладимое впечатление.

Он вышел, оставив после себя шлейф удушливого дорогого парфюма и стойкое, тошнотворное ощущение грязи, которая, казалось, въелась в кожу.

Я сидела неподвижно, пока звук его шагов не затих в коридоре. Только тогда я позволила себе убрать эту глупую улыбку с лица. Вскочила и начала метаться по комнате, как загнанный в клетку зверь, не находящий выхода. Руки дрожали. Жаркие волны паники и гнева накатывали одна за другой.

Успокойся. Дыши. Думай.

Глава 3.

Просто играть роль покорной куклы — значит подписать себе приговор. Но чтобы действовать, нужны знания. Нужно было узнать больше о настоящей Оливии — не только о ее страхах, но и о ее прошлом, о ее связях. Почему она так боялась принца? Был ли у нее хоть кто-то в этом доме, кто заботился о ней?

А эти обрывки памяти... они были как обгоревшие страницы книги: вспыхивали ярко и тут же рассыпались пеплом, не давая сложить целую картину. Некоторые я чувствовала, словно сама их проживала, а некоторые мелькали как смутные тени, отзвуки смеха или плача, вспышки горя. Но ухватить и развернуть их по своей воле не получалось.

Я подбежала к письменному столу и с лихорадочной поспешностью начала рыться в ящиках. Они были завалены безделушками, лентами, пузырьками с духами, высохшими цветами.

Отчаянное разочарование начало подступать, и тогда мой взгляд упал на небольшую, аккуратно припрятанную под стопкой листов тетрадь в потертом переплете.

Я раскрыла ее на первой попавшейся странице. Почерк был неровным: то угловатым, резким, с сильным нажимом, будто перо хотели сломать, то плавно бегущим и печальным.

«Все думают, что принц мой возлюбленный... аристократия верила в эти слухи, распускаемые братом, но они не видели, как принц разговаривает со мной наедине, что он мне обещает...».

«...Сарус снова сказал, что я недостойно себя вела. Что я плебейка, учинившая скандал. Иногда мне кажется, он прав. Лучше бы я никогда не появлялась в их семье... Лучше бы я...»

«...почему? Почему все они такие? Почему отец и брат хотят отдать меня этому извергу? Да он же псих! Он смотрит на меня, как на дичь, которую уже подстрелил и только ждет, когда она перестанет биться... Я не могу. Не могу! НЕНАВИЖУ ИХ! НЕНАВИЖУ ВСЕХ!»

Последняя фраза была выведена с такой силой, что бумага порвалась. Я резко захлопнула тетрадь, будто могла таким образом отрезать эту злость и отчаяние, что сочлились со страниц. Тишина в комнате стала вдруг гулкой и тяжелой. Ее страх и отчаяние теперь были и моими.

Даже если я соглашусь следовать их плану, они по-любому и дальше захотят меня использовать для своих целей, чтобы влиять на принца.

Но хуже всего сейчас другое: времени почти не осталось. До бала всего несколько часов.

В голове крутился единственный вопрос: что делать? Стараться быть незаметной? Но на Оливию всегда обращали внимание, хоть и негативное. Ее падения в обморок и истерики были публичным развлечением. Незаметность — не мой удел в этом теле.

Играть роль влюбленной дурочки, а потом в удобный момент смыться оттуда? Этот план казался чуть более реалистичным, но тут же разбивался о суровую реальность. Нет, отец и «братец» Оливии наверняка будут пристально следить за каждым моим шагом. А побег от этой семейки без помощи, денег и плана — это верная смерть от голода или поимка с еще более ужасными последствиями.

Нужен другой вариант. Но какой?

Мои мысли прервал стук в дверь. Прежде чем я успела ответить, дверь распахнулась, и в комнату вошла Элис. За ней следовали две другие служанки, их руки были заняты пышным, переливающимся облаком ткани бордового цвета.

— Время собираться, леди Оливия, — произнесла Элис с ледяной вежливостью.

Платье село идеально, вполне изысканное на вид. Каждый шов, каждая складка лежала безупречно, подчеркивая хрупкость фигуры и превращая ее в дорогую обертку. Волосы причесывали, местами вплетая едва заметные драгоценные нити. Я смотрела на свое отражение в зеркале, пока они работали. Пудра, румяна, легкая краска для губ.

— Прекрасно, — констатировала Элис, сделав шаг назад и осматривая меня с ног до головы, как вещь. — Почти как настоящая леди. Будем надеяться, что и вести себя станете соответственно.

Злость поднялась в груди — горячая и липкая, но я подавила ее. Я не знала, как реагировать на такие замечания. Разве прислуге позволено так говорить с хозяйкой дома? Хотя, судя по дневнику и всему, что происходило, в ситуации Оливии это, видимо, было нормой. Ее статус «почти леди» был клеймом, которое видели все — от герцога до последней кухонной работницы. Но все же она носила фамилию отца. И этот факт, казалось, лишь злил окружающих еще больше.

Когда они, наконец, ушли, я подошла к большому зеркалу.

Минимум украшений — платье само по себе, своим насыщенным цветом и сложным узором золотой вышивки по краям, должно было приковывать взгляд. Я была похожа на идеальную, безвольную куклу, созданную для того, чтобы ею любовались и распоряжались.

Нет. Мысль прозвучала внутри с такой четкостью, что я вздрогнула. Сегодня я не могу позволить себе быть ею.

Я подошла к окну. Во двор уже подали карету — золоченую, запряженную парой угольно-черных лошадей.

Меня охватила паника. Что мне все-таки делать?

Я закрыла глаза, пытаюсь унять дрожь в руках. Кончики пальцев леденели, и я чувствовала, как холодок страха ползет по позвоночнику. Нужно успокоиться.

В голове, как вспышка, возник образ из записок Оливии: «Аристократы смотрят на меня свысока, презирают...» Так, может все же устроить громкий, позорный скандал, истерику прямо в бальном зале? И принц тогда не захочет подходить ко мне?

Идея была безумной, рискованной и оттого странно притягательной. Она согревала изнутри, растапливая лед страха. Если уж быть посмешищем, то таким, которого бояться. Чтобы даже принц отвернулся от меня в раздражении и недоумении.

Я глубоко вдохнула, ощущая, как воздух наполняет легкие и придает сил, расправила плечи и посмотрела на свое отражение. Куколка в зеркале была все той же, но что-то в ней изменилось. В глазах зажегся крошечный, но упрямый огонек решимости.

Я повернулась и твердыми шагами направилась к двери. Сошла по лестнице, поймав на себе удивленный взгляд дворецкого. Обычно Оливия, наверное, ковыляла, робела, стараясь стать невидимкой. Я шла с прямой спиной.

Дверца кареты захлопнулась с глухим звуком, отсекая мир, который я только начала узнавать. Сердце бешено стучало, но уже не только от страха. От предвкушения.

Карета тронулась, увозя меня навстречу неизвестности.

После этого бала все изменится.

Глава 4.

Карета с грохотом подкатила к сияющему фасаду королевского дворца. Сквозь окно я видела вереницу таких же золоченых экипажей, из которых выходили дамы в ослепительных платьях и кавалеры в парадных мундирах. Воздух звенел от смеха, шепота и музыки, доносившейся из распахнутых дверей.

Я вышла, стараясь не споткнуться о подол своего платья. Голова была высоко поднята, маска безразличия приклеена к лицу. Я прошла по выложенной белым камнем дорожке, отчетливо чувствуя, как десятки взглядов, впиваются в меня со всех сторон. Шепоток бежал передо мной: «Смотрите, Избелл...», «Опять явилась...».

Я вошла в бальный зал. И на мгновение дыхание перехватило не только от волнения, но и от самого великолепия. Огромные хрустальные люстры отражались в отполированном до зеркального блеска мраморном полу. Стены, расписанные фресками со сценами охоты, казалось, дышали историей. И море людей, сверкающих драгоценностями и золотом. Музыка тихо играла.

Мой внутренний историк ликовал, но я трезво оценивала обстановку. И медленно, будто просто наслаждаясь видом, направилась к одной из массивных мраморных колонн, в относительную тень, куда свет от люстр падал неравномерно. Оттуда я могла наблюдать, оставаясь частично невидимой, как хищник в засаде, или что было более вероятно, — как добыча, затаившаяся в надежде, что ее не заметят.

Именно в этот момент у парадного входа возникло волнующееся, почтительное движение. Музыка не смолкла, но в ее легких ритмах появилась властная, торжественная нота. И он вошел.

Наследный принц Рамис.

Он был прекрасен. Золотистые волосы, идеальные черты лица, улыбка, озарявшая все вокруг. В мундире ослепительно-белого цвета, расшитом тончайшей золотой нитью, с аксельбантами, которые сверкали при каждом движении. Казалось, он сам источает свет и тепло. Аура была ощутимой — абсолютная, врожденная уверенность в своем праве быть центром вселенной. Он легко кивал знакомым, его смех был чарующим, словно специально отточенным для того, чтобы радовать слух.

Его взгляд, скользнув по залу, задержался на мне. Точнее на бордовом шелке платья. В его глазах мелькнуло удовлетворенное узнавание. Как у охотника, заметившего дичь.

Он плавно изменил траекторию движения. Так, будто это было случайно, просто более удобный путь к группе придворных. Но через несколько секунд, минуя нескольких дам, он уже стоял рядом.

Все планы, все дерзкие мысли испарились под тяжестью его присутствия.

Я сделала положенный реверанс, отработанный Оливией до машинальности. И опустила взгляд, уставившись на сверкающие носки его сапог. Лишь бы не поднять глаза. Лишь бы не показать адскую смесь ненависти Оливии и моего страха.

— Леди Оливия Избелл, — произнес он с мягкой, безупречной улыбкой.

— Ваше Высочество... — выдохнула я, подняв голову и стараясь сохранять безразличие на лице.

Он взял мою руку и склонился, делая вид, что галантно целует, но его губы даже не коснулись моей руки. И сжал пальцы. Не сильно, но достаточно, чтобы я почувствовала давление на кости. Словно напоминание и демонстрация власти.

Я вздрогнула и тут же возненавидела себя за эту слабость. Что ему не понравилось?

Он придвинулся ближе, нарушая все допустимые границы приличия. В нос пахнуло дорогим вином, и его тень полностью накрыла меня.

— В прошлый раз вы были куда... выразительнее, — продолжил он тихим голосом, — Помните, как дрожали и плакали? Как умоляли меня отпустить вас? Очень трогательно. Прямо разрывало сердце. — Его голос стал ехидным. — Но сегодня, я вижу, вы решили сыграть в хладнокровную леди. Интригующе.

Он повысил давление на пальцы, давая почувствовать каждую фазу нарастающей боли.

Я сжала зубы, сохраняя бесстрастное лицо. Боль усиливалась, казалось, костяшки вот-вот хрустнут в его железной хватке.

Но даже если закричу или, выдернув руку, брошусь прочь — виноватой сделают меня. «Истеричка Избелл опять устроила сцену», — скажут они.

Воля монаршей семьи не оспаривается. Здесь он закон и добродетель, и в его жестокость к леди не поверят.

— Я ценю искренность, — прошептал, поднося мою руку снова к своим губам. Он провел губами по моим побелевшим костяшкам. — И очень не люблю, когда играют роль, которую я не назначал. Ты моя куколка. Не пытайся выйти из своей роли.

Я попыталась чуть отодвинуть руку, но он удержал.

— Расслабьтесь, — прошептал он, наконец отпуская мои пальцы, на которых тут же проступили красные отпечатки. Боль отхлынула, сменившись леденящим онемением. — Я всегда ценил в женщинах способность понимать, чего от них ждут. Не заставляйте меня напоминать вам... как именно надо себя вести.

Едва удержалась, чтобы не прижать руку к груди и не потерять больное место.

— Вы же знаете, — добавил он, отстраняясь, — что мой интерес к вам — это единственная причина, по которой вас тут еще терпят. Помните об этом, моя милая.

Принц улыбнулся так, как улыбаются только палачи, когда рассуждают о милосердии.

Так и хочется сбить спесь с этого мерзавца.

Я широко распахнула глаза, изобразив легкое, милое недоумение, словно не понимаю, о чем он говорит, и слегка наклонила голову.

— О, Ваше Высочество, — сказала я чуть громче, чем нужно, чтобы пара ближайших дам могла услышать. — Вы сегодня так... воодушевлены государственными заботами, что, кажется, перепутали меня с кем-то другим? Со своим адъютантом на плацу, возможно? — Я легонько потрясла покрасневшей рукой, с наигранным смешком. — Такое энергичное... приветствие. Я, право, растеряна.

Эффект был мгновенным. Его улыбка исчезла, превратившись в узкую, напряженную полоску. Сделать следующий агрессивный шаг теперь значило бы подтвердить, что он, принц, намеренно причиняет боль девушке на публике.

Я прикусила внутреннюю сторону щеки, чтобы не выдать свой страх.

Он уже открыл рот, чтобы парировать, но в этот момент к нему почтительно подошел придворный в расшитом камзоле:

— Ваше Высочество, прошу прощения за вторжение...

Принц замер на секунду, его взгляд, полный невысказанной угрозы, впился в меня.

— Мы обязательно продолжим нашу беседу позже, — бросил он сквозь зубы. — Не сомневайтесь.

И, бросив на меня последний, оценивающий взгляд, отошел на несколько шагов, чтобы выслушать мужчину, оставив меня стоять с трясущимися руками и ледяной пустотой внутри, где секундная победа тут же сменилась ужасом перед отсроченной расплатой.

Глава 5.

Я уже готова была позорно сбежать, спрятаться в первом попавшемся уголке террасы, чтобы меня не нашли, и не выходить, пока бал не закончится, когда почувствовала резкое изменение в атмосфере зала. Настороженное затишье повисло среди разговоров. Я посмотрела туда, куда с опаской смотрели аристократы.

По краю зала шел Герцог Алекс.

Он прибыл позже всех, без всякой помпы. На нем был черный мундир, на котором алым пятном выделялась лишь одна, скромная, но, как я поняла, очень весомая награда.

Светлые волосы были слегка растрепаны. Остановившись возле прохода в сад, он замер, скрестив руки за спиной.

Его темная аура была противоположностью Рамиса. От него веяло прохладой и непоколебимой силой. И в этом была своя, опасная притягательность.

Я посмотрела на сияющего Рамиса, о чем-то оживленно говорившего с придворным и бросившего в мою сторону короткий взгляд. Затем — на молчаливого Герцога Алекса, стоящего в одиночестве. Заиграла торжественная музыка, открывая бал долгожданным первым вальсом.

Нет пути назад. Только вперед.

Я медленно сделала первый шаг, затем следующий.

Краем глаза я видела, как люди застывают с бокалами у губ, как замирает в воздухе смех, обрываются на полуслове фразы и поворачивают головы, их глаза округляются от изумления, видя мое направление. Недоуменный шепот пополз за мной по пятам: «Куда она...», «Она с ума сошла...», «К герцогу?»

Я шла, глядя прямо перед собой, на высокую, неподвижную фигуру в черном. И жутко боялась, что мои ноги сейчас подкосятся от волнения и я оступлюсь, превратив себя в посмешище. Боялась обернуться и увидеть лицо принца Рамиса.

Герцог Алекс все еще смотрел в сторону сада, погруженный в свои мысли, но он заметил движение, нарушавшее его уединение. Он повернул голову. Его усталый взгляд скользнул по мне, не выражая ничего, кроме легкого вопроса.

Я остановилась перед ним. Мое сердце колотилось так громко и отчаянно, что, казалось, его стук заглушает даже музыку.

Сделала безупречный реверанс, слегка опустив голову, смотря на его мундир и чувствуя, как бархат платья мягко ложится вокруг меня.

— Ваша светлость, — голос прозвучал тихо, но, к моему собственному удивлению, четко и без дрожи. — Прошу прощения за дерзость, но разрешите пригласить вас на этот танец!

Я не поднимала глаз.

Музыка наливалась силой, первые пары уже закружились в медленном, торжественном ритме, а он оставался недвижим.

Наконец, герцог заговорил. Его голос был низким, немного хриплым, и в нем не было ни капли притворной любезности в отличие от принца.

— Ищите развлечений в другом месте.

Такой ответ был ожидаем. Предсказуем. Но я не могла отступить. Ведь отступить — значит вернуться к принцу Рамису.

Это была точка невозврата.

Я подняла на него глаза, заставив себя встретиться с его тяжелым взглядом.

Глаза были серыми, под цвет зимнего неба. И в их глубине, за завесой усталости и отчужденности, я увидела почти физическое нежелание участвовать в этих бессмысленных дворцовых играх.

Он смотрел на меня как на дерзкую выскочку.

— Я не ищу развлечений, ваша светлость. Я лишь хотела посвятить свой первый танец на этом балу Герою, который внес весомый вклад в конец этой войны.

Вот это я, конечно, загнула. Еще бы найти в обрывках воспоминаний, с кем у них война закончилась.

Его бровь поднялась вверх, и в глазах мелькнуло едва уловимая тень удивления, он не ожидал такого.

Герцог снова, уже внимательнее, оглядел меня с ног до головы.

Он, конечно, слышал о «леди Избелл» — истеричной, навязчивой, несносной, влюбленной в его брата. Но та, что стояла перед ним сейчас — с прямой спиной и взглядом, который смело встречал его, — явно не вписывалась в эти рассказы. В ее глазах была отчаянная решимость. И это его на мгновение обезоружило.

Это была капитуляция не перед ней, а перед нелепой неизбежностью скандала, который разразится, если он публично и грубо откажет дочери герцога. Которая, к всеобщему изумлению, набралась смелости пригласить его.

— Хорошо.

Затем он вздохнул, снял свой строгий черный мундир и небрежно бросил его на ближайшее кресло не глядя. Остался в темной, плотной жилетке. И, к слову, под ней не было рубашки. Через глубокий вырез проступали линии мышц и бледная кожа, хранящая следы давно заживших шрамов. Это был акт демонстративного пренебрежения — к балу, к дресс-коду, ко всей этой показной роскоши.

Он сделал резкий шаг вперед, и его рука с мозолистыми ладонями грубо взяла мою. Но затем его пальцы сжали ее с неожиданной осторожностью, будто он боялся сломать хрупкую вещь, хотя всем своим видом показывал обратное.

Он повел меня к танцующим, рассекая толпу. Шепот вокруг нас превратился в гул недоумения, но он, казалось, не замечал его.

Мы заняли место среди других танцующих пар. И начался самый неловкий и напряженный танец в моей жизни.

Глава 6.

Его рука на моей талии была твердой. Он уверенно вел меня в танце. Каждый шаг, каждый поворот был выверен, но лишен души.

Я едва успевала следить за шагами. Чувствовала напряжение в его мышцах, словно он готов в любой миг разорвать этот контакт.

Он смотрел куда-то поверх моего плеча, явно желая поскорее закончить эту пытку.

— Что это за новая игра? — внезапно произнес он, не глядя на меня. Его голос был тихим, предназначенным только для моих ушей.

Я не ожидала такого вопроса.

— Не понимаю, о чем вы, ваша светлость, — ответила я, глядя на его шею и стараясь не опускать взгляд на распахнутую безрукавку.

Он перевел на меня взгляд. Впервые за весь танец он смотрел прямо в мои глаза. Его темные зрачки сузились, изучая меня с холодным любопытством охотника, наткнувшегося на незнакомый след.

— Чем вам выгоден первый танец со мной? Разве не золотой добросердечный принц ваша заветная цель?

— Золото слишком часто бывает фальшивым, — выпалила я, сама удивляясь своей смелости. — Не всегда можно увидеть то, что скрыто от всех.

Он на мгновение замер, и наш танец прервался на долю секунды, остановившись в самом центре кружащегося водоворота. Его пальцы на моей талии сжались чуть сильнее, почти болезненно, и тут же ослабли.

— Вы странно себя ведете, леди Избелл, — заметил он, и в его голосе появились осторожные нотки любопытства.

— Возможно, вы просто не знаете меня достаточно хорошо, — парировала я, чувствуя, как предательская краска заливает мои щеки.

На его губах появилась легкая усмешка.

— Возможно, — коротко бросил он.

Мы снова замолкли. Он больше не смотрел поверх моего плеча. Его взгляд теперь был прикован ко мне.

Музыка стала подходить к концу и когда последние аккорды прозвучали, он тут же отпустил мою руку, словно обжигаясь.

Не сказав ни слова, он развернулся и ушел прочь.

Я осталась стоять посреди зала, одна, под оглушительный гул голосов, который обрушился на меня, как волна.

Первый танец сегодня я должна была отдать принцу, но я публично отказалась от него, выбрав другого, хоть это и большой риск, но это единственный способ для меня попытаться избежать уготованной мне роли.

Я стояла, чувствуя, как горит лицо. Со всех сторон на меня смотрели глаза — круглые от изумления, суженные от злорадства.

«Она что, с ума сошла?» — донесся до меня шепот справа.

«Новый план привлечь внимание принца Рамиса, не иначе!» — пронеслось слева.

«Смотрите на принца!» — чей-то взволнованный голос пронзил общий гул.

Я медленно повернула голову.

Наследный принц стоял недалеко, в его глазах читался не просто гнев, а нечто более острое и личное — уязвленная гордость. Его игрушка посмела публично предпочесть ему другого. Да еще кого — его мрачного, нелюдимо, презираемого им двоюродного брата. Это было

оскорблением, ударом ниже пояса, которого он не ожидал. Я задела за живое, в самое уязвимое место его монаршего эго.

Внезапно из-за спины, чья-то сильная рука сжала мое запястье с такой силой, что я чуть не вскрикнула от боли. Меня грубо оттащили в сторону, за колонну, где было чуть меньше любопытных глаз.

Передо мной, бледный от ярости, стоял Сарус. Его красивое лицо исказила гримаса гнева.

— Что ты делаешь, дура? — прошипел он, его пальцы больно впивались в мою руку. — Ты губишь все наши планы! Ты думаешь, герцог оценит твой жалкий флирт? Он тебя в грязь затопчет и даже не заметит!

Он дышал мне в лицо, его глаза горели.

— Ты должна была цепляться за Рамиса как плющ! Еще сильнее привязать к себе, чтобы он дал тебе статус фаворитки! Это был наш шанс! Идиотка!

Я вырвала свою руку. На белой коже остались красные следы от его пальцев.

— Мне надоело быть пешкой в ваших играх, Сарус, — выдохнула я, глядя ему прямо в глаза. Мой голос дрожал не от страха, а от сдерживаемой, кипящей ярости, которая, наконец, прорвалась наружу. — Можешь сам крутить хвостом перед принцем, если он тебе так нужен. А меня оставь в покое.

Он отшатнулся, будто я ударила его по лицу. Его глаза сузились до щелочек.

— Ты пожалеешь об этом, — прошипел он так тихо и злобно, что по моей спине пробежали мурашки. — Клянусь, ты будешь ползать у моих ног и умолять о помощи.

Он резко развернулся и зашагал прочь, расталкивая гостей плечом, оставив меня в одиночестве за колонной, с трясущимися коленями.

Я прислонилась к холодному мрамору колонны, пытаюсь перевести дыхание. Вокруг все еще кружились пары. Музыка, свет, шепот — все это слилось в один оглушительный, давящий гул, от которого болела голова. Мне нужно выбраться отсюда. Сейчас же. Пока принц не опомнился.

Я, не глядя по сторонам, почти побежала к выходу, чувствуя на себе любопытные, осуждающие, и злорадные взгляды. Не уверена, что мой поступок был верным, но обратной дороги уже нет.

Глава 7.

Карета мчалась обратно, гораздо быстрее, чем к дворцу. Я сидела, вцепившись в складки платья, и смотрела в темное окно, не видя мелькающих за ним огней. Только отражение бледного лица с широкими глазами, чужое и испуганное.

Перед внутренним взором все еще стояло бледное от ярости лицо Саруса и пронизывающий, обещающий расплату холодный взгляд принца. Адреналин, который давал мне силы в зале, схлынул, оставив после себя пустоту и тянущую, вязкую тревогу.

Возможно, я нажила сразу двух могущественных врагов — наследного принца и собственного двоюродного брата.

И ни одного союзника.

Разве что герцога Алекса — но он и сам не являлся ни другом, ни врагом. Скорее стихией, в которую я случайно шагнула, и которая лишь по случайности не снесла меня с ног сразу.

Карета, наконец, остановилась у знакомого мрачного фасада поместья, который в свете фонарей выглядел не домом, а крепостью-тюрьмой. Едва я ступила на каменные ступеньки, массивная дверь распахнулась, и я увидела фигуру дворецкого. Его лицо, обычно невозмутимое, было полно сурового осуждения.

— Его светлость ожидает вас в кабинете, — произнес он. — Немедленно.

Так, значит, вести уже долетели. И летели они, похоже, быстрее, чем мчится карета. Интересно это братец постарался?

Я поплелась за его неспешной, мерной поступью по длинным, погруженным в полумрак коридорам. Гобелены на стенах, изображавшие сцены охоты — оленей, загоняемых в угол, кабанов, пронзенных копьями, — казалось, смотрели на меня с немим укором и мрачным предзнаменованием.

Дворецкий остановился у тяжелой дубовой двери, после короткого стука распахнул ее и молча отступил, дав мне пройти. Дверь закрылась за моей спиной с тихим щелчком.

Кабинет герцога был таким же мрачным, как и он сам. Полки, уставленные тяжелыми фолиантами, темное дерево, потрескивающий камин. Герцог стоял спиной к огню, его фигура отбрасывала длинную тень на пол. Он не повернул головы.

— Ты превзошла саму себя, — тихо сказал он. — Не просто опозорила наш род. Сделала это с изобретательностью.

Я стояла с опущенной головой. Не из покорности, а от злости, которую пока не могла позволить себе показать.

— Танцевать с ним? С этим... — он оборвал себя и резко повернулся ко мне. Лицо было бледным, в глазах пылал холодный огонь ярости. — Ты думала, это сделает тебя интересной в глазах принца? Это такая уловка, чтобы привлечь его внимание и ревность? Или твой и без того скудный разум окончательно помутился?

Он сделал шаг ко мне. Он говорил, не повышая голоса, но каждое слово обжигало.

— Ты понимаешь, что ты сделала? Наследный принц унижен! Публично! И ты бросила его ради этого мрачного герцога! Ты думаешь, он теперь посмотрит в сторону нашего дома? Захочет иметь что-то общее с семьей, которая позволила случиться такому позору?

Холод прошел по коже, но внутри, под этим холодом, вспыхнула и запылала ярость. Его беспокоила не судьба Оливии, не ее страх, не ее будущее в качестве наложницы. Его беспокоили политические последствия. Репутация. Доступ к трону. Я стала разменной монетой, которая внезапно испортила всю игру.

Я подняла на него взгляд, заставив голос звучать ровно, хотя внутри все дрожало.

— А разве не позорнее, ваша светлость, — произнесла я тихо, — если наследный принц спустя время, когда наиграется, вернет вам уже испорченную фаворитку? Разве ваш план идеальный? Или вы считали, что я, с моей-то репутацией, неспособна его сорвать даже случайно?

Он замер, явно не ожидая от меня ответа. Он ждал слез или истерики? Но это лишь на секунду остудило его ярость.

— Твоя задача была не думать, а выполнять, — отрезал он, и его голос стал еще тише и опаснее. — А поскольку ты с этим не справилась... с сегодняшнего дня ты не выйдешь за пределы поместья без моего разрешения, — вынес он приговор. — Пять дней никаких визитов и никаких приемов. Ты будешь оставаться здесь и молиться, чтобы принц оказался милосердным и забыл о твоей выходке.

Он снова подошел к окну, словно то, что творится за окном, его заботило больше, чем происходящее в кабинете.

— Элис.

Та вошла так быстро, словно ждала под дверью. Неся в руках тонкий длинный прут, она поклонилась.

— Я все приготовила, ваше сиятельство.

— Сорок ударов. Приступай.

Что? Мой разум отказывался понимать. О чем они? Это шутка?

Элис повернулась ко мне, и в ее взгляде пылала злоба.

— Поднимите платье, леди, — сказала она почти ласково.

— З-Зачем...? — голос сорвался.

Мое тело цепенело, отказываясь верить.

Ответом был ее взгляд, полный презрительного удовольствия.

В воспоминаниях Оливии вспыхнули обрывки похожих сцен. Боль и унижение. Беззвучные рыдания в подушку. И эта же женщина с невозмутимым лицом. Воспитание... И теперь оно повторится — для новой версии меня.

Герцог стоял у окна не оборачиваясь. Он даже не собирался смотреть. Для него это был не акт насилия, а воспитательная процедура. Как выпороть провинившуюся лошадь или слугу.

Я медленно, дрожащими, почти не слушающимися руками, подняла юбку до колен. Ткань скользнула, обнажая бледную кожу.

Первый удар пришел без предупреждения, все тело вздрогнуло как от удара током. Кожу словно обожгло огнем. Я вскрикнула тихо, но звук разлетелся по кабинету.

Второй.

Третий.

Четвертый.

Между ударами не было паузы. Каждый бил ровно в одно и то же место — Элис знала, что делает. Боль не успевала стихнуть, прежде чем накатывала снова, сбивая дыхание и заставляя темнеть в глазах.

К десятому я стиснула зубы так, что челюсти свело. К пятнадцатому я уже не чувствовала пола под ногами. Мир сузился до звука хлещущего прута, до жгучей полосы огня на коже и до неподвижной спины у окна. К тридцатому мне казалось, что кожа на икрах просто разорвалась, обнажив мясо, и каждый новый удар бьет уже по живым нервам.

Герцог ни разу не обернулся. Он стоял слушаая.

Когда все закончилось — я не упала только потому, что младшая служанка, испуганная и бледная, подхватила меня под локоть. Ее руки дрожали. Я даже не заметила, в какой момент ее позвали — боль вытеснила все остальное.

— Следи, чтобы не испачкала ковры, — бросила Элис младшей служанке ровным тоном.

Меня почти волоком довели до моей комнаты. Стены плыли перед глазами. Я заперла дверь за спиной, прежде чем служанка успела открыть рот, чтобы предложить помощь или сказать слова жалости, которых я не могла вынести.

Щелчок замка прозвучал как последний барьер между мной и этим миром.

Ткань платья липла к ногам, и сквозь нее уже проступали темные, влажные пятна. Я расстегнула крючки дрожащими пальцами и позволила платью упасть к ногам бесформенной кучей. Стоять было невыносимо.

Подойдя к кровати, я рухнула на нее лицом вниз. Боль пульсировала в такт сердцебиению. Где же тут свобода? Где же тут новая жизнь, о которой я так наивно мечтала, проснувшись в этом теле?

Только боль. И злость. Голая, раскаленная, как жгучие удары розгой, злость. Не на судьбу, а конкретно на них. На герцога, холодного и безучастного. На Элис, садистку в этом сраном чепце. На подонка Саруса и на принца, из-за чьего самолюбия все это началось.

Глава 8.

Два дня.

Сорок восемь часов, наполненных пульсирующей болью в ногах и однообразной едой, приносимой той же младшей служанкой Фелой.

Каждый шаг давался с трудом, поэтому большую часть времени я проводила за столиком у окна. Оно выходило в сад, на ту его часть, где дикий плющ оплетал белую беседку, а деревья росли так густо, что скрывали каменный забор.

Идея побега возникала каждый раз, когда боль отступала, уступая место злости. Взять драгоценности — те немногие, что не были фамильными и хранились в шкатулке. Переодеться в самое простое платье и просочиться через сад к служебным воротам.

А дальше? Мир за стенами поместья был для меня неизвестным. Все знания Оливии ограничивались жизнью аристократки. Ни рынков, ни трактиров, ни дорог, что происходит среди улиц, ей неизвестно.

Без связей и денег, меня найдут за сутки.

Фела оказалась тихой и пугливой, лет восемнадцати. Она боялась Элис пуще огня и в первый день, прислуживая мне (обрабатывая икры ног) молчала как рыба. Но вчера, меняя повязку (кожа на икрах была покрыта жуткими багрово-синими полосами, но, слава богу, не порвана), она вдруг прошептала:

— Она... даже вас не пожалела леди Оливия. У нее рука... — Фела осеклась, оглянувшись на дверь, — тяжеляя.

В ее глазах стоял страх не за меня, а за себя. Ведь однажды достаться может и ей.

А сегодня утром, подавая чай, Фела замерла у окна, глядя вбок, где видны были края парадных клумб и часть главных ворот. Лицо ее было озабоченно.

— Что-то случилось? — спросила я, отодвигая чашку.

Она вздрогнула, словно пойманная на месте преступления.

— Нет, леди Оливия... просто... сегодня утром прискакал гонец от герцога Алекса. На кухне говорят, что его светлость ждет герцога сегодня после полудня по делам гарнизона. Все опасаются его, поэтому боятся попасть на глаза...

Она произнесла тихо, словно боясь, что ее услышат за дверью, и тут же засуетилась, собирая поднос.

Меня, как током прошило. Герцог прибудет? Сюда?

Фела, видя, как я застыла, испугалась, что сказала лишнее, и торопясь выбежала из комнаты.

А я осталась смотреть на сад, но теперь уже не видя его. План, хрупкий и безумный, начал строиться в голове. План, ведущий в неизвестность, но другого шанса может и не быть.

Алекс был единственным человеком, перед кем даже отец Оливии говорил осторожно. Просто потому, что никто в здравом уме не связывается с ним.

Племянник императора. Герой войны. Человек, рядом с которым любые интриги переставали быть игрой.

Если есть кто-то, кто способен защитить меня — это он.

И если я смогу... хотя бы немного склонить его на свою сторону — это будет моей единственной страховкой.

Он скоро прибудет. В кабинет или в зал для аудиенций? Неважно. Мне нужно найти способ встретиться с ним. Нужен идеальный момент.

Я провела перед зеркалом целый час. Отказалась от сложной прически — просто заплела волосы в относительно свободную косу, чтобы несколько прядей выбивались на виски и шею. Надела самое простое из своих платьев — бледно-голубое, почти домашнее, но все же из доро-

гого шелка, который красиво облегал фигуру. Выглядела я... мило. Настоящая леди, случайно вышедшая в сад, подышать свежим воздухом.

Сердце колотилось, как птица в клетке, когда я спускалась по задней лестнице, ведущей в сад. Он запретил мне покидать поместье, но про сад не сказал ни слова — а значит, я не нарушаю приказ.

Я осторожно спустилась на нижний этаж, цепляясь рукой за перила — боль в ногах вспыхивала при каждом шаге, как будто кто-то снова и снова проходился прутком по коже.

На последней ступеньке я едва не потеряла равновесие, и именно в этот момент боковая дверь распахнулась.

Из нее вышла Элис и застыла на пороге, словно столкнулась с призраком. Ее глаза скользили по моему платью, по волосам, и тому, как я едва стою на ногах.

В ее взгляде смешались злость и легкое раздраженное удивление.

Она шагнула навстречу.

— Вам предписан покой, леди, — произнесла она ядовито-вежливо. — Герцог не желает, чтобы вы...

— Посещение сада мне запрещали? — уточнила я тихо, но ровно.

Элис нахмурилась.

Я сделала полшага в сторону, прямо мимо нее. Боль пронзила икры так резко, что мир на секунду потемнел, но я не замедлила шаг. Не дала ей увидеть слабость.

Мы остановились рядом — так близко, что я почти слышала, как она втягивает воздух сквозь зубы.

Она тихо прошипела:

— Вы далеко зайдете... если продолжите забывать свое место.

— Это — не ваше дело, — ответила я, даже не повернув головы.

И пошла дальше.

Сад встретил меня холодным воздухом и свободой в нескольких шагах.

Я выбрала место с идеальной видимостью — небольшую каменную скамью у фонтана. Отсюда был виден главный путь от парадного входа. Я достала крошечную книжку стихов (находка в столе Оливии) и сделала вид, что погружена в чтение.

Глава 9.

Наконец, раздались тяжелые шаги.

Я подняла глаза, делая выражение легкого удивления, как будто меня оторвали от увлекательного занятия.

Он шел по аллее один. На нем все тот же черный, строгий мундир.

Сердце сбилось с ритма. На балу сама не своя от переживаний я не особо рассматривала его. Он был... огромным. Высоким, широким в плечах и наполненным спокойной, смертоносной силой. Сманить его на свою сторону? Эта мысль теперь выглядела смехотворной, и моя уверенность стала падать.

Нет, отставить панику. Надо действовать.

Он смотрел куда-то вперед, словно мыслями был не здесь.

Я позволила книге «случайно» выскользнуть из рук. Она с мягким шлепком упала на каменную плиту у моих ног. Я замерла, не поднимая ее сразу, украдкой взглянула на него из-под опущенных ресниц.

Звук сработал. Он остановился и повернул голову в мою сторону.

Я поспешно наклонилась и медленно подняла книгу, давая ему возможность рассмотреть изгиб шеи, легкий румянец на щеках. Затем подняла на него глаза, слегка улыбнувшись от смущения.

— Ваша Светлость, — поприветствовала я, сделав реверанс и, подняв голову, продолжила. — Простите, я не ожидала никого встретить здесь, поэтому удивилась, увидев вас и книга... выскользнула из рук.

Боже, что я несу.

Он молчал пару секунд, которые показались вечностью. Потом слегка кивнул.

— Светлого дня, Леди Избелл, — поприветствовал низким голосом и сделал шаг, намереваясь пройти мимо.

— Я хотела извиниться, — быстро сказала я, вставая и делая шаг ему навстречу, чтобы преградить путь. Сердце колотилось так, что, казалось, он слышит его стук. — За тот танец. Я понимаю, это было... неловко для вас. Я была сама не своя от нервов.

— Извинения излишни, — произнес он. — Я принял ваше приглашение. Тема исчерпана.

И снова двинулся с места.

Отчаяние придало мне смелости. Я протянула руку, пытаясь остановить его, и ухватила за руку. Под тонкой, но прочной тканью мундира я почувствовала стальные мышцы. Его рука напряглась, как тетива лука, готовая в любой миг сорваться и отбросить помеху.

Герцог замер и медленно повернул ко мне лицо, в его глазах мелькнуло удивление, но тут же сменилось отстраненностью.

— Подождите, пожалуйста!

Уголки его губ дрогнули в усмешке. Он ухватил меня за запястье и отстранил от своей руки.

Сделав шаг назад, я непроизвольно поморщилась от боли. Слишком долго стояла, и боль от пульсирующих ран на ногах ожила с новой, жгучей силой.

Я не сказала ни слова, но его взгляд сразу скользнул вниз, к моим ногам, будто он увидел ссадины сквозь ткань платья. На мгновение мне показалось, что его холодно-серые глаза, вспыхнули изнутри глубоким, жидким золотом, как расплавленный металл.

— Не двигайтесь, — произнес он негромко, но в его голосе прозвучала команда, которой трудно было сопротивляться.

Между его пальцами, все еще сжимающими мою руку, вспыхнул теплый золотистый туман, похожий на живую энергию. Который словно разумная змейка, метнулся от его руки вниз, к моим ногам, проникая сквозь ткань платья.

Я вздрогнула от неожиданности, ожидая новой боли, но вместо этого нежное тепло разлилось по моим избитым икрам, окутывая их и проникая внутрь. Боль исчезла без следа, будто ее и не было. Осталось лишь смутное, приятное тепло, как после долгой ванны, и невероятная легкость.

Я застыла, не в силах вымолвить слово. Это было Волшебство? Настоящее волшебство, а не сказки из книг. И этот мрачный герцог, только что исцелил меня. Почему?

— Это лишь обезболивание. — сказал он, не давая мне опомниться. — Большого я сделать не могу. Настоящее исцеление могут сотворить только те, у кого есть соответствующий дар. Их в империи, к сожалению, единицы. И они не тратят свои силы на... подобное.

— Спасибо, — растерянно произнесла я, все еще ощущая призрачное тепло и легкость в ногах.

— Не советую вам долго прогуливаться при таких ссадинах, — добавил он сухо, взглядом указывая на мои ноги. — И не трогайте меня больше.

После этого он отстранил мою руку. Возможно, все эти слухи, распускаемые братцем, дошли и до него. Что огорчает, но я не сдамся. Отчаяние сильнее гордости.

— Я... я знаю, какие ходят слухи обо мне. Но это ложь.

— Леди Избелл, — произнес он устало. — Я только что закончил войну. Войну, где люди гибли за империю, за честь. У меня нет ни времени, ни малейшего желания участвовать в придворных играх, особенно в таких... прозрачных. Вы хотите внимания и ревности от принца так? Не впутывайте меня в эти игры.

Меня охватила волна жгучего стыда. Он все понял с точностью до наоборот! Он видел во мне не жертву, а мелкую интриганку, использующую его для разжигания скандала. Мне не нужна ревность! Мне нужно, чтобы этот самовлюбленный принц, наконец, отстал и забыл о моем существовании!

— Это не игра, — моя уверенность рассыпалась в прах, и голос предательски дрожал, выдавая всю глубину отчаяния, которую я пыталась скрыть.

Для меня уж точно не игра. Это вопрос выживания. Я не горю желанием участвовать во всем этом, но мне нужно вырваться из ловушки, которую сомкнули вокруг меня.

— Советую вам не тратить силы на бессмысленные маневры.

Он отступил на шаг, возвращая себе личное пространство, которое я так дерзко нарушила.

— Теперь, если вы позволите, у меня есть дела.

И он ушел, не обернувшись. Его шаги отдавались в тишине сада, а я стояла, словно вкопанная, сжимая в онемевших пальцах дурацкую книгу стихов. Разговор не удался.

Сбоку из-за кустов сирени, послышалось легкое шуршание. Но, повернув голову, я никого не увидела. Кто-то наблюдал за нами? Неважно.

Я медленно опустилась на скамью. В глазах стояли слезы, но я не позволила им пролиться. Рыдать здесь? Нет уж.

Я сидела в саду, пока солнце не начало клониться к закату. Возвращаться в комнату не хотелось.

И как мне добиться его расположения? Он видит во мне только интриганку, несущую проблемы. Что я могу предложить ему в обмен на защиту? Чем могу быть полезной? Ничем.

Но сдаться, значит, согласиться на участь фаворитки и возможно недолгую жизнь.

Глава 10

Ров: Алекс

Алекс шел по садовой аллее быстрее, чем требовала вежливость.

Ему не нравилось задерживаться в доме Избеллов. Если бы не срочные дела гарнизона, связанные с поставками через их земли, он не ступил бы сюда. Слишком много лжи в этих стенах.

Но взгляд все равно скользнул назад — туда, где осталась стоять девушка в легком голубом платье.

Оливия Избелл. Живое напоминание о слабости старого герцога и предмет придворных сплетен. Нужно было забыть о ней, как забывают о любой избалованной светской леди. Он не должен был ее запоминать, но судьба (или ее собственное упрямство) сталкивала их уже дважды. Сначала — публичный вызов принцу на балу. Теперь — эта отчаянная, неуклюжая ловушка в саду. Как тут не запомнишь?

И все же... что-то не сходилось.

На балу в ее глазах, помимо страха, была решимость. Сегодня — отчаяние, настолько настоящее, что его нельзя было сыграть. А еще эти синяки. Ее боль, когда она отступила, была не наигранной. Кто-то наказал ее. И наказал недавно и жестоко. В собственном доме.

Он мысленно выругался. Ему было абсолютно все равно, что происходит в этой гниющей семье. Его война была с внешними врагами, а не с внутренними демонами аристократов.

Алекс резко повернул за угол, окончательно скрываясь из ее поля зрения. Ответа у него не было. Только раздражение — и на нее, и на себя, за эту слабость. Но ее образ (бледное лицо, дрожащие руки и эти глаза...) отказывался стираться. Как назойливый осколок, засевший под кожу.

Хуже всего было то, что часть его, закаленная годами на границе, уже анализировала ситуацию как полезные данные. Слабое звено в семье врага. Глубокая внутренняя трещина. Возможный источник информации или рычаг.

Он отбросил эти мысли как неподобающие. Она была проблемой. И с проблемами нужно было иметь дело, либо устраняя их, либо игнорируя. Пока он решил игнорировать.

Но в глубине души он уже знал, что это не работает.

Когда она пошатнулась, и на ее лице мелькнула судорога боли, его магия среагировала на боль еще до того, как его разум отдал приказ. «Солнечное плетение» было создано для обезболивания ран, полученных в бою, чтобы боль не мешала сражаться. А не для... этого. И все же он потратил на нее крупицу силы.

Почему?

Алекс тихо выругался себе под нос и ускорил шаг, словно пытаясь убежать от собственного поступка.

Он же видел ее взгляд, когда она хватала его за рукав. Такая леди просто так не остановится.

И все же, оставляя цветущий сад и ненавистный особняк позади, он поймал себя на нелепой, раздражающей мысли, что, пожалуй, хотел бы увидеть ее еще раз. Чтобы понять: что это за странное существо, в глазах которого живет такой хаос, и почему его собственная магия, обычно послушная и безлика, откликнулась на ее боль с такой... готовностью.

Глава 11

Поднявшись со скамьи, я глубоко вздохнула и выпрямила спину. Благодаря герцогу боли в ногах не было, и это не просто радовало, а казалось небольшим, личным чудом посреди всеобщего хаоса. Я направилась обратно в комнату и уже поднимаясь на лестницу, замерла, когда услышала наверху тихий, знакомый ядовитый смешок.

Сарус.

Он стоял в тени колонны, как притаившийся хищник, который уже наметил добычу и теперь лишь наслаждается ее беспомощностью. Он лениво скрестил руки на груди, демонстрируя полную расслабленность. Свет из высокого окна падал на него так, что половина лица скрывалась во мраке, а вторая — освещалась теплым золотом заходящего солнца. Выглядел он до странного довольным.

— Я уж думал, ты все эти дни решила пролежать в своей комнате, — сказал он, сделав несколько неторопливых шагов вниз по ступеням, сокращая расстояние между нами. — Однако воздух сада, видимо, показался тебе таким необходимым, что ты совсем забыла о наказании.

Я сжала пальцы, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Его появление здесь и сейчас не было случайностью. Он ждал.

— Мне не запрещали выходить в сад, — произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно, но внутри все обливалось холодом. Он знал. Он точно знал, с кем я там говорила.

Он медленно спустился еще на две ступени, приближаясь ко мне.

— Ах да, — он изогнул губы в улыбке, которая не дошла до его холодных глаз. — Наш строгий герцог формулирует свои указания весьма размыто. Но... — он наклонил голову, глядя на меня так, будто видел насквозь, — это ведь была не просто прогулка, верно?

— Не понимаю, о чем вы.

— Ох, перестань. — Сарус щелкнул пальцами в воздухе, будто отгонял надоедливую муху. — Видели тебя слуги. Скажем так... ты выбрала занятное место, чтобы почитать стихи. Прямо у дорожки, по которой должен был пройти герцог.

Я остановилась, почувствовав, как пол уходит из-под ног. Каждый мой шаг в этом поместье был под наблюдением.

Сарус выглядел так, будто только что сделал великолепный бросок в игре.

— Ты что... снова пытаешься противиться воле отца? — произнес он тихо. — Плевать на принца, да? Подумаешь, наследник трона. Решила очаровать герцога? Нашего дорогого, неприступного вояку? Смело. Глупо, но смело.

Я смотрела ему прямо в глаза.

— Вы преувеличиваете. Я просто хотела извиниться и воспользовалась случаем.

Он рассмеялся — мягко, почти ласково, и от этого звук был еще отвратительнее.

— Милая, ты действительно думаешь, что можешь заинтересовать его? — прошептал он так, будто делился горькой, но необходимой правдой. — Герцог не тот мужчина, который обратит внимание на хрупкую, запуганную девицу. Он видел смертей больше, чем ты видела платьев в любом салоне. Он ломал людей, которые были в сотни раз сильнее тебя душой и телом. Ты для него — ничто.

Каждое слово било точно в цель, я чувствовала, как внутри сжимается холодный ком страха. Он был прав. Алекс был горой, а я — пылинкой у ее подножия. Но сверху, сквозь этот леденящий страх, пробивалась и поднималась новая, кипящая эмоция — яростная, бес- сильная злость на этого самодовольного идиота, который наслаждался, раздавливая мои иллюзии.

— Тогда вам не о чем беспокоиться, — сказала я, заставив голос звучать ровно. — Я далеко не хрупкая.

Он приподнял бровь, изображая театральное удивление.

— За тебя беспокоиться? Боже упаси. Какая неуместная самоуверенность... — он покачал головой с притворной жалостью, чуть наклонившись ко мне, заполняя собой все пространство. — Но я должен признать, ты меня удивила. Ты была истеричной, да, но предсказуемо послушной, а сейчас... откуда такая... смелость? Или это глупость?

— Это не ваше дело, — повторила я холодно.

Мне надоело его представление.

Сарус мигом стер улыбку. Лицо его стало каменным, а взгляд — острым, как лезвие.

— Шутки кончились. Теперь слушай внимательно, — сказал он, почти шипя. — Через четыре дня отец устроит прием для избранных аристократов. И угадай, кто там будет?

Я затаила дыхание, прекрасно понимая, к чему он ведет.

— Принц Рамис. Он уже лично уведомил нас, что особенно желает видеть тебя. Лично. И учти... — он наклонился еще ближе, — он не любит, когда игрушки пытаются сбежать.

Я стояла неподвижно, вцепившись в перила, чтобы не дать коленям подкоситься.

Мир будто сузился до звенящего звука его голоса, до его дыхания рядом с моим лицом, до пульсации крови в висках.

Он выпрямился, лениво проводя пальцами по перилам.

— И вот что я тебе скажу, Оливия. Если ты вздумаешь снова бродить по саду и строить глазки герцогу или кому угодно еще... — он улыбнулся, но эта улыбка была ненормальной, — тогда я позабочусь, чтобы твои ноги никогда больше не позволили тебе выйти за пределы своей комнаты.

Я подняла на него взгляд, полный злости.

— Попробуйте.

Он замер на долю секунды — как будто не ожидал такой дерзости.

Затем пришел в себя и снова улыбнулся предвкушающе.

— Посмотрим, — произнес он сладко, будто обещание. — До встречи на приеме, сестрица.

Он развернулся и ушел, не торопясь, насвистывая под нос какую-то легкую, беспечную мелодию. Его шаги, эхом отдавались в пустом коридоре.

Я смотрела ему вслед еще несколько секунд, затем сделала последний шаг на площадку лестницы.

Закрыв дверь своей комнаты, я прислонилась спиной к холодной древесине, закрыла глаза и попыталась нырнуть в память Оливии. Существует ли в этом теле хоть какая-то искра? Наличие магии в этом мире, только что продемонстрированное герцогом, обнадеживало. Если бы я могла...

Я сосредоточилась, искала внутри то тепло, что почувствовала, когда его золотистый туман коснулся моей кожи. Но в ответ — ничего. Вместо силы всплывали лишь короткие, смазанные обрывки: нежные руки матери; теплый, медовый голос, напевающий колыбельную. Мать лечила ее раны, но была ли это магия... память умалчивала.

Ладно. Я открыла глаза, разочарованно выдохнув. С этим разберусь позже.

Четыре дня.

У меня есть четыре дня до приема. Из них два — оставшихся дня наказания, которые я должна отсидеть, чтобы не дать им повода для новой, немедленной расправы. Еще есть время. И тратить его на поиски призрачной магии — роскошь, которую я не могу себе позволить.

Пусть считают, что я готовлюсь к приему, глотая слезы.

А я сделаю все для получения той силы, что может раздавить все семейство Избеллов.

И первое, что мне нужно — узнать, где герцог Алекс будет в ближайшие дни.

Глава 12

Рассветные лучи еще не успели рассеять ночные тени в комнате, когда раздался тихий стук в двери. Это была Фела — с тазом теплой воды, чистыми полосками полотна и маленьким глиняным горшочком с пахучей мазью.

Начинался третий день моего заточения. Синяки на икрах никуда не делись, лишь сменили окрас с кроваво-багрового на грязно-желтый и лиловый. Боль, благодаря магии Алекса, была лишь воспоминанием.

— Приподнимите платье, леди Оливия, — попросила Фела, опускаясь коленями на ковер. Ее движения были осторожными.

Пока ее теплые пальцы аккуратно смазывали кожу мазью, пахнувшей травой и чем-то горьким, я смотрела в окно туда, где медленно розовел горизонт.

— Фела, — тихо сказала я, нарушая тишину. Она вздрогнула, но не остановилась, продолжая втирать мазь, будто это могло скрыть ее испуг. — Мне нужно... узнать кое-что.

Она подняла на меня испуганные глаза.

— Леди, я... я не могу...

— Не о доме, — быстро успокоила я ее, желая перебить поток ее страхов, прежде чем он захлестнет ее окончательно. — О герцоге Алексе. Нужно узнать, где он будет в ближайшие дни. Не подробности его жизни, нет. Просто... может быть, поедет куда? Или где его можно будет... случайно увидеть? Ты же общаешься с другими служанками, с конюхами. В буфетной, на кухне. Слуги всегда все знают.

Фела замерла, ее пальцы застыли на моей коже. Ее лицо, обычно покорное и пустое, отражало настоящую внутреннюю борьбу: страх перед Элис, перед герцогом, перед любым наказанием боролся с чем-то новым — с доверием ко мне и с крошечной искрой сочувствия.

— Я попробую узнать, — выдохнула она неуверенно. — Но если спросят...

— Ты просто любопытствовала. Из-за бала. Все девчонки, наверное, обсуждают, — подсказала я ей алиби, и она слабо кивнула, немного успокоившись. — И, Фела... спасибо.

Весь день я провела, делая вид, что читаю, уставившись в одну и ту же страницу, а на самом деле прокручивая в голове десятки безумных и отчаянных планов. Ключевой фигурой в каждом из них был он. Алекс. Единственная сила в этой империи (за исключением, пожалуй, самого императора, достучаться до которого было все равно что попытаться коснуться луны), которая, казалось, не боялась ни моего отца, ни принца.

На следующее утро Фела принесла завтрак.

— Вчера вечером, девушки, которые подавали ужин его светлости и герцогу Алексу, — начала она, понизив голос до шепота, едва слышного из-за звона посуды, — рассказали... обсуждали друг с другом. Герцог Алекс обмолвился, что ему нужно свериться с какими-то старыми картами и манускриптами. Что он... послезавтра после полудня намерен посетить городскую библиотеку.

Я замерла, сердце заколотилось с новой силой.

Городская библиотека. Это было за пределами поместья, в самом сердце столицы, среди людей. И мое наказание как раз закончится накануне. Это была возможность.

Два дня спустя.

Прижимая к груди огромный том «Истории великих сражений древности», я в назначенное время стояла в полумраке библиотеки. Меня без проблем сюда доставили под предлогом вернуть книгу, ложь для кучера была правдоподобной. Да и станет ли он проверять капризы леди Избелл.

Воздух здесь был пропитанным запахом старой бумаги, воска и времени. Высокие сводчатые потолки терялись в темноте, а бесчисленные стеллажи, казались лабиринтом из знаний и тайн.

Герцог стоял в дальнем конце зала, спиной ко мне, полностью поглощенный, изучая развернутые на дубовом столе огромные, пожелтевшие карты.

Я, крадучись, словно вор, подобралась к высокой деревянной стремянке, приставленной к стеллажу с трактатами по военному делу. Взобралась на четыре ступеньки, чувствуя, как дрожат колени, зажала тяжелый том в леденеющих от нервов ладонях и начала ждать подходящего момента, следила за ним краем глаза.

Он повернулся, свертывая карту резким движением, и пошел по проходу в мою сторону. Время!

Я сделала глубокий вдох и... разжала пальцы.

От нервного перенапряжения я рванула ее слишком сильно. Тяжелый фолиант с громким, пугающим ШЛЕПКОМ угодил прямо в огромную вазу с розами, стоявшую на столике возле стремянки. Ваза опрокинулась, вода с цветами и осколки вазы разлетелись по воцеленному паркету.

Герцог Алекс замер. Да весь зал, казалось, замер. Единственным звуком в внезапно наступившей гробовой тишине был мелодичный, насмешливый звон последнего, докатывающегося осколка.

Я застыла, все еще держась за перила стремянки.

— Прекрасно... — прошипела я себе под нос.

Мой план летел к чертям вместе с вазой. Но я, движимая слепой паникой, решила спасти ситуацию. Я вскрикнула (как мне казалось, изящно и испуганно) и сделала вид, что теряю равновесие, начиная неловко сползать со стремянки. Расчет был, что он бросится меня ловить.

Расчет был неверным.

Во-первых, я сползала так неестественно и медленно, что это было похоже на плохую пантомиму. Во-вторых, герцог Алекс стоял и смотрел на эту клоунаду с выражением лица, в котором смешались крайнее недоумение и растущее раздражение.

В итоге я благополучно, хотя и неловко, спустилась на пол, чуть не запутавшись в собственном пышном подоле. Теперь мы стояли друг напротив друга: я — раскрасневшаяся, с безумными глазами, в алом бархате посреди поля из осколков и роз; он — мрачный и раздраженный.

— Ваша... Ваша Светлость! — прошептала я, пытаюсь надеть маску смущения и восхищения одновременно. Я приложила руку ко лбу в театральном жесте. — О, простите! Я... я так растерялась при виде вас! Эта книга... она просто выскользнула из моих слабых рук!

Я закатила глаза, изображая легкое головокружение, и сделала шаг в его сторону, намереваясь слегка пошатнуться и элегантно упасть в его объятия.

Но я сделала неловкий шаг, мой каблук зацепился за мокрый от воды подол, и вместо изящного падения полетела вперед, нелепо взмахнув руками.

Мой порыв вскрикнуть от испуга захлебнулся, когда моя щека с силой прижалась к холодной поверхности его мундира, а его руки железным обручем сомкнулось у меня за спиной, не давая упасть.

— Не двигайтесь, — раздался его голос. Он был тихим, но таким ледяным, что я замерла на месте. — Вы можете порезаться, — сказал он, глядя на осколки у моих ног.

— О, я такая неловкая... — продолжила я, чувствуя, как жар стыда начинает подниматься от шеи к щекам. Но сдаваться было рано! Я приподняла ресницы и посмотрела на него так, как смотрели героини в книгах. — Это все из-за волнения.

Он медленно перевел взгляд с осколков на мое лицо. Его взгляд скользнул по моему румянцу, остановился на губах, спустился к декольте, а затем снова вернулся к моим глазам. В его глазах не было ни капли восхищения или замешательства, на которые я рассчитывала.

Там было изучение. Как будто он рассматривал особенно странный и не очень приятный экспонат, пытаясь определить его потенциальную угрозу.

— Вы сейчас выглядите не так, как думаете, — произнес он ровно.

— Простите?

Глава 13

— Вы искренне не понимаете, как выглядите?

Я открыла рот, но не нашла слов.

— Ладно, — он тихо, устало выдохнул. — Отставим внешность и вашу цель в сторону. Начнем с более очевидной проблемы.

Он разжал руки и отстранился, делая шаг назад.

— Леди Избелл, вы разбили вазу маркиза де Тивэля. Дорогую. Историческую. Он ее очень любил.

Что? Мой мозг, уже и так перегруженный паникой и стыдом, застыл на этой детали.

— Я... я заплачу! — выпалила я, окончательно теряя нить происходящего.

— Это не самое главное, — продолжил он с той же убийственной невозмутимостью. — Вы пытаетесь, видимо, что-то изобразить. Но у вас это... — он сделал едва заметную паузу, словно подбирая самое точное слово, — катастрофически плохо получается. Этот наряд, эти жесты... Кто вас этому научил? И, что более важно, — здесь его голос стал чуть тише, но оттого еще пронзительнее, — зачем?

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Я... я просто хотела... — голос мой предательски дрогнул, и в нем прозвучала подлинная, не наигранная растерянность.

— Вы хотели привлечь мое внимание, — закончил он за меня. — Вы его привлекли. Поздравляю. Теперь у вас есть мое внимание. И оно говорит мне, что передо мной стоит не женщина, а... очень шумная и не слишком сообразительная мышка. Которая только что настроила против себя еще и маркиза де Тивэля, известного своей злопамятностью, смотрящего за библиотекой. Блестяще.

В этот момент в дверях показался сам маркиз, привлеченный грохотом. Увидев осколки своей любимой вазы, он побледнел, его взгляд, полный немого укора, устремился на меня.

Герцог Алекс вздохнул и сделал шаг вперед, мягко, но неотвратимо заслоняя меня от взгляда маркиза.

— Маркиз, примите мои извинения за этот... инцидент, — сказал он. — Леди Избелл, кажется, в порыве юношеского рвения к знаниям не рассчитала свои силы. Я лично позабочусь о компенсации и о поиске достойной замены из моих собственных коллекций.

Затем он повернулся ко мне, и его вежливость испарилась, сменившись ледяным приказом.

— А вы, леди Избелл, немедленно покиньте библиотеку и приведите себя в порядок.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова, и, подняв подол платья (снова чуть не споткнувшись), побежала к выходу, чувствуя на спине его тяжелый взгляд и растерянный взор маркиза.

Я не помнила, как добралась до своей комнаты. Дорога стерлась из памяти, как кошмар после пробуждения. Я захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной и медленно сползла на пол.

В груди бушевал ураган из эмоций: дикий стыд, злость на саму себя и горькое, истерическое желание смеяться над всем этим фарсом.

Этот безжалостный герцог... что на него нашло? Чем я его разозлила? Тем, что отвлекла от важных дел? Или тем, что пыталась играть в игры, которые он презирает и играла в них так отвратительно плохо?

Я зарылась лицом в руки, ощущая, как жар стыда пылает на щеках под ладонями. Боже, что я наделала? Я не просто провалилась — я устроила нелепое цирковое представление с

элементами вандализма на потеху (предположительно) всему двору. Моя репутация, и без того дырявая, теперь была растоптана в пыль вместе с осколками той злополучной вазы.

Я разбила ценную вещь, настроила против себя какого-то маркиза и окончательно убедила герцога Алекса в том, что я не просто обуза, а еще и полная, безнадежная идиотка. Я пыталась очаровать его, следуя шаблонам романов, и добилась только противоположного.

Он был прав. Во всем. Это было глупое с моей стороны желание привлечь его внимание.

Слезы, наконец, хлынули. Я вытерла лицо, размазав и без того жалкий макияж в еще более уродливые пятна.

Нет. Так нельзя. Я не могу позволить этому провалу стать концом. Это должен быть урок. Жесткий, болезненный, унижительный урок.

Если очарование не работает, если кокетство вызывает у него лишь отвращение... что тогда?

Я поднялась с пола, подошла к умывальнику и принялась смывать с лица остатки косметики. Вода была холодной, и это отрезвляло. Я смотрела на свое чистое, бледное, неуверенное лицо в зеркале.

Что у меня оставалось? Ни красоты, достаточной, чтобы покорить его, ни связей, которые он бы ценил, ни умения соблазнять. Только голова на плечах.

Он оценил мое первую попытку сближения в саду? Нет. И сейчас остался злым. Герцог ненавидит игры. Значит, нужно предложить сделку. Мысль казалась безумной. Но после сегодняшнего цирка любое предложение, в котором есть хоть капля здравого смысла, будет выглядеть гениальным.

Я вытерла лицо, взяла чистый лист бумаги и перо.

Ров: Алекс

Раздражение поднялось резкой волной — потому что эта девчонка уже второй раз за несколько дней рушит мой тщательно выстроенный порядок. Она стояла передо мной, съеженная, красная от стыда, с глазами, в которых отчаянно плавала попытка держаться достойно.

И в эту секунду я понял две вещи. Первая — она сейчас расплачется. Вторая — меня это раздражает куда сильнее, чем следовало.

Я не должен был вообще с ней разговаривать. И уж тем более — замечать, как дрожат ее пальцы на подоле и как она кусает губу, пытаясь не расплакаться прямо передо мной.

Черт.

— А вы, леди Избелл, немедленно покиньте библиотеку и приведите себя в порядок.— сказал я холодно.

Слишком холодно.

Но иначе я бы...

Неважно.

Она кивнула, подхватила платье и побежала к выходу. Я смотрел ей вслед дольше, чем должен. Взгляд сам цеплялся за ее спину, за алую ткань, за то, как она сжимает плечи, чтобы удержать остатки достоинства.

Почему она доводит себя до такого? Почему снова берется за что-то, что явно превышает ее умения? Почему...

Я сжал кулаки.

Она явно не интриганка и неискusstvenная соблазнительница. Это девчонка, которую ломают собственная семья, придворные правила, глупость и страх. И которая, черт побери, все равно лезет вперед, как раненый зверек, не понимающий, что мир его сожрет.

И почему-то... меня это бесит.

Маркиз шумно втянул воздух, возвращая меня к реальности.

— Герцог?

— Позже, маркиз, — отозвался я.

Слишком резко.

Он отступил, обиженный, но я не мог сейчас думать о нем. Перед глазами все еще стояло ее лицо, искаженное стыдом, дрожащий подбородок, взгляд, которым она пыталась удержать остатки достоинства.

Я глубоко выдохнул. Надо выкинуть ее из головы. Она — не моя проблема.

И уж точно — не женщина, на которую стоит хоть как-то реагировать.

Я посмотрел на осколки вазы. И все же... как она умудряется каждый раз превращать обычную встречу в какую-то нелепицу?

И почему меня это, черт возьми, волнует.

Глава 14

Коридор перед его кабинетом был настолько тих, что собственное дыхание казалось мне громким.

Фела унесла письмо к герцогу и на удивление быстро вернулась с ответом. Герцог пригласил на разговор в его временную резиденцию. Добраться до нее не составило труда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.